

Верхне-Мутновская ГеоЭС с установленной мощностью 12 МВт э. Также рассчитаны эксплуатационные запасы еще двух месторождений (Больше-Банские и Нижне-Кошелевские), однако полное исследование геотермальных резервуаров для возможного строительства ГеоЭС не завершено (3). Все перечисленные примеры геотермальных электростанций основаны на эксплуатации высокотемпературных геотермальных ресурсов.

При значительном потенциале низкотемпературных ресурсов их использование ограничено. Из общего потенциала низкотемпературных геотермальных ресурсов (532 МВтт) около 100 МВтт идет на обогрев термальными водами жилых и административных зданий (Эссо, Анавгай, Паужетка, Паратунка), теплиц (пос. Термальный, Озерное), рыболовства (пос. Малки, Паратунка), плавательных бассейнов. По данным В. М. Сугрובה, в пределах четырех геотермальных провинций перспективными считаются 13 месторождений: Тымлатское, Паланское, Русаковское, Анавгайское, Эссовское, Пущинское, Налычевское, Малкинское, Пиначевское (Кеткинское), Начикинское, Южно-Береженое, Паратунское и Верхне-Паратунское (4). В Средне-Камчатской провинции эксплуатируются только два месторождения – Эссовское и Анавгайское. В Южно-Камчатской провинции из пяти разведанных низкотемпературных месторождений эксплуатируются три: Паратунское, Малкинское и Начикинское.

Учитывая опыт Южной Кореи по использованию низкотемпературных геотермальных источников не только для спа- и других рекреационных ресурсов, но также для центрального отопления и сельскохозяйственных нужд при помощи тепловых насосов и бинарных электростанций, мы можем отметить перспективы более активного использования этих ресурсов и на Камчатке.

1. *Бирюков В. В.* Парогурбинная установка геотермальной электростанции бинарного цикла для геотермальных месторождений Камчатского края / В. В. Бирюков, Э. А. Манушин // *Науки и образование*. 2011. № 9. С. 1–8.

2. *Бритвин О. В.* Мутновский геотермальный энергетический комплекс на Камчатке / О. В. Бритвин, О. А. Поваров, Е. Ф. Клочков Г. В. Томаров, Н. Л. Кошкин, В. Е. Лузин. [Электронный ресурс] <http://www.kamlib.ru/resources/mutn2.htm> (дата обращения 5.04.2016)

3. *Сугроров В. М.* Перспективы использования геотермальных ресурсов Камчатки / В. М. Сугроров, В. И. Кононов, О. Б. Верейна // *Энергосбережение*. 2005. № 2, С. 98–102.

4. *Сугроров В. М.* Прогнозные геотермальные ресурсы областей современного вулканизма Камчатки и Курильских островов: научные и прикладные аспекты / В. М. Сугроров, В. И. Кононов, А. И. Постников // *Тр. международ. полевого Курило-Камчатского семинара*. Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 9–24.

Т. С. Фёдорова

ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ – ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИХ УЧАСТНИКОВ

В 2016 г. мир отметит две знаменательные даты: 275 лет открытия северо-западных берегов Америки пакетботами Второй Камчатской экспедиции «Св. Пётр» и «Св. Павел», и 335 лет со дня рождения капитана-командора Витуса Беринга, руководившего Камчатскими экспедициями. Эти замечательные даты дают нам счастливую возможность ещё раз вспомнить о нём и его соратниках и отдать дань памяти всем участникам Камчатских экспедиций.

Историей Первой и Второй Камчатских экспедиций учёные и писатели занимались давно и много. В 1941 г. был издан монументальный сборник документов «Экспедиция Беринга», однако глубокому изучению опубликованных там документов помешала Великая Отечественная война. В послевоенные годы работа по теме «В. Беринг и Камчатские экспедиции» возобновилась и продолжается до сих пор.

В фондах РГА ВМФ по этой теме хранится огромное количество разных видов документов: это указы, рапорты, инструкции, доношения, ведения, мнения и др. Среди этой официальной документации количество писем ничтожно мало, а ведь в частных письмах содержится уникальная, хотя и деловая, информация. Авторы писем более откровенны и больше делятся своими мыслями и переживаниями с адресатами, что представляет огромный интерес для исследователей. К сожалению, этот вид документов изучен ещё недостаточно. Наиболее интересны, разумеется, письма руководителей Первой и Второй Камчатских экспедиции: В. Беринга, А. Чирикова и М. Шпанберга.

Первая Камчатская экспедиция, организованная по указу Петра I от 23 декабря 1724 г., выехала из Ямской слободы Петербурга 25 января 1725 г. Помимо 34 человек личного состава, в обозе следовали и 25 подвод «с матриалами». Основной задачей, поставленной императором перед экспедицией, было выяснение вопроса, «сходится ли Азия с Америкой». Трём морским офицерам и гардемарину П. Чаплину на первом этапе предстояло решить совершенно не свойственные морякам задачи: проехать с огромным обозом через всю Россию, с великими трудностями добраться до Камчатки, построить там судно и только после этого отправиться в плавание, чтобы выполнить поставленную им задачу.

К 1 июня 1726 г. все путешественники прибыли в Якутск. В это время в экспедиции было 140 человек и более 10 000 пудов груза. 16 августа 1726 г. Беринг отправился в Охотск, Чириков был оставлен в Якутске для заготовки и отправки в Охотск провианта. Шпанберг 7 июля 1726 г. вышел из Якутска на 13 дощениках. Отряд состоял из 205 человек, на суда были погружены самые тяжёлые вещи: пушки, якоря, канаты, железо, 2 757 пудов муки и др. Судьба этого отряда сложилась наиболее трагично. Зима застала отряд в пути, часть груза пришлось оставить на дороге. Стояли жестокие морозы. Лошади пали, люди терпели голод, холод, бежали, умирали.

27 ноября 1726 г., находясь между речками Поворотной и Таловкой, Шпанберг отправил Берингу письмо. Несмотря на трудности пути, письмо звучит ещё достаточно бодро и доверительно: «Сегодня оставил на дороге из-за болезни служивых и за оскудением у них провианта, а также из-за беглых 40 нарт с лёгкими припасами», но он ещё надеялся через 10 дней дойти до Юдомского Креста. И далее: «...Благодарю, ваше благородие, что бык мой и прочие до Креста дошли. Не огорчайтесь, что кратко пишу, впредь буду рапортовать подробнее» (1). 17 декабря было получено известие от Шпанберга, что идут рекой Юдомой нартами. На следующий день Беринг приказал части команды «быть готовыми в путь до Креста». 21 декабря – ещё одно сообщение Шпанберга и просьба о помощи. 22 декабря Беринг писал: «Благородному господину порутчику Шпанбергу: сего числа послан к вам капрал Анашкин, а с ним отправлены плотники 2, служилых 7 на 10 нартах, мяса 16 пуд, рыбы 100 кочемасов, 1,5 пуда порсы. Сего дня ввечеру посланы 2 солдата, 37 человек служилых на 36 нартах, на которых мяса 30 пудов, рыбы 400 кочемасов, порсы 3,5 пуда, которые извольте разделить по усмотрению нужд. А приказал для лёгкости положить на дороге на 3 части.

Ваш доброжелательный слуга В. Беринг» (2).

У Беринга со Шпанбергом сложились прекрасные, почти дружеские отношения, оба были датчанами и прекрасно понимали друг друга. Беринг советовался со Шпанбергом и спрашивал его мнение. Так, в письме от 18 апреля 1727 г. он писал: «Понеже вы известен об Юдоме-реке, того ради изволите объявить нам свое мнение, на тех ли судах или строить меньше и как лутче и легче доводить до Креста оставшие на Юдоме провиант и матриалы» (3). 27 июня Берингу снова необходим совет Шпанберга: послать служителей за провиантом на реку Горбею или на Камчатку для заготовки леса для постройки бота. Шпанберг высказался абсолютно чётко: «...ныне из имеющихся нашей команды служителей здесь надлежит отправить на Камчатку с матриалами для заготовления леса к строению ботов... а построенное и уже нагруженное судно («Фортуна») без всякого замедления ныне надлежит отправить вскорости ради возврата» (4).

30 июня 1727 г., отправляя «благородного господина лейтенанта» в Большерецкий острог и перечисляя, что он там должен сделать, Беринг заканчивает письмо словами «А вам возвратится с первым попутным ветром к нам в Охотский острог» (5). 18 сентября 1727 г. Беринг отправил Шпанбергу ещё одно письмо, уже находясь на Камчатке, с подробными инструкциями о его действиях.

По истории Первой Камчатской экспедиции сохранились в основном журналы входящих документов, где отсутствует подпись, поэтому не всегда можно определить вид документа. По Второй Камчатской экспедиции документальных материалов, наоборот, огромное количество, но большая их часть – это официальные документы.

Указ Анны Иоанновны об организации Второй Камчатской экспедиции был подписан 17 апреля 1732 г. Началась тщательная, всесторонняя подготовка небывалого мероприятия. Никогда раньше ни одна экспедиция русского флота не готовилась так продуманно и кропотливо: выслушивались мнения высшего офицерского состава флота, составлялись и обсуждались инструкции, определялись задачи, готовились спецификации судов, велись поиски чертежей прежде построенных судов, внимательно отбирался личный состав, все конторы Адмиралтейств-коллегии должны были представить предложения по своей части. Впервые в истории русского флота в экспедицию был включен Академический отряд и даже музыканты с валторнами, гобоями и скрипками.

Первым с отрядом из 10 человек 23 февраля 1733 г. отправился в новую экспедицию капитан Шпанберг. 2 марта 1733 г. Беринг с основной частью экспедиции выехал из Петербурга в Тверь с огромным обозом (303 человека и 197 подвод со служителями и грузом), чтобы, построив суда, часть пути пройти по Волге и Каме.

Начальником экспедиции снова был назначен В. Беринг, его помощниками – А. Чириков и М. Шпанберг. Чириков должен был вместе с Берингом идти к Америке, задачей Шпанберга были поиски пути в Японию.

1 октября 1734 г. команда Шпанберга прибыла в Охотск, где «усмотрел наигоршее того случившегося несчастье»: жители Охотска «претерпевали великой голод». Служилым людям не выдали хлебное жалование, а рыбы в тот год было мало. Провиант экспедиции, погруженный на суда, остановился на Юдоме, так как река замёрзла, отправленный сухим путём из-за падежа лошадей пришлось оставить в разных местах на дороге. «И в таком случае, – писал Шпанберг, – порученное нам дело... стало быть в немалом сумнении и в крайней печали» (6).

Шпанберг в то время в Охотске был полным хозяином и действовал, как считал нужным. Он узнал, что там имелось несколько сот пудов муки, часть которой принадлежала Походной розыскных дел канцелярии, а другая часть была казённой, а штурман И. Бирёв, возглавлявший Охотское правление в отсутствие Скорнякова-Писарева, боялся её выдать без разрешения. Для «прекращения того нестерпимого голода» Шпанберг приказал весь провиант, который имелся в Охотске и на дороге, взять в экспедицию и «довольствоваться по рассмотрению своему всех равно, разделяя на все команды». На экспедицию он взял 316 пудов муки, на раздачу служилым людям Охотского правления и Якутской воеводской канцелярии – 425 пудов. О раздаче провианта он «учинил» обстоятельный отчет в Охотское правление, а экстракт в 1736 г. представил Берингу.

3 октября 1734 г. Шпанберг приказал штурману Бирёву дела Охотского правления передать бывшему приказчику Б. Суханову, а самому взять двух человек и идти по рекам Охоте и Кухтую, чтобы выяснить, есть ли по этим рекам лес, годный для постройки судов, и далеко ли он от берега. Эти действия вызвали резкий протест со стороны начальника Охотского правления Г. Г. Скорнякова-Писарева и длительную переписку между ним, Шпанбергом и Берингом.

24 января 1735 г. Беринг писал Шпанбергу по этому поводу: «...А понеже хотя и надлежит одного штурмана взять в команду Камчатской экспедиции, точию по нашему рассуждению оному надобно дать позволение, чтоб он выбрал ко отправлению того дела и сбору ясака достаточного, кому он, Бирев, в том бы поверил, а не самому вам собою определять. А ежели за таким вашим определением от одного Суханова в порученных ему от вас делах и в сборе ясака учинятся какие неурядки, то будете вы в том ответственны, понеже ясашный сбор не в нашем ведомстве» (7).

2 апреля 1735 г. Беринг снова ещё мирно увещевал Мартына Петровича:

«...ежели оной Бирев порученное от вас дело исправил и никакой до него нужды ныне при команде вашей не имеется, то извольте оному Биреву дать позволение возвратиться в Охотское правление» (8).

Хорошие отношения со Шпанбергом ещё сохранялись, и Беринг просил его совета. В письме от 31 марта 1735 г. он выражает озабоченность, что в Якутске вместо дубель-шлюпки строится бот, которого по инструкции «и строить не надлежало». По его мнению, лучше было бы построить в Якутске дубель-шлюпку и прибавить в интрюме $\frac{3}{4}$ фута против чертежа, «то я признаваю, что способнее будет, нежели бот со шверцами. А сверх того полагаюсь на ваше рассуждение» (9). 4 июля 1735 г. Шпанберг писал Берингу: «...заложили бот английской и начали строить, а не галанской препорции, длиною и шириною, как показано от Коллегии, понеже по усмотрению моему аглинской препорции бот здесь в морском плавании будет способнее плоскодонного, ибо море везде имеет места глубокие, а плоскодонные голландские боты строяцца для проходу через мелкие места» (10).

Приведенные выше письма начальник Второй Камчатской экспедиции писал из Якутска. Оттуда он руководил не только командами, которые должны были открывать Америку и Японию, но и морскими отрядами, задачей которых было плавание по Лене, Оби и Енисею к Северному Ледовитому океану и описание его побережья. Поэтому Беринга волновало, какие суда целесообразнее строить, и не будет ли это нарушением инструкции Адмиралтейств-коллегии.

31 июля 1735 г. также из Якутска В. Беринг отправил письмо кабинет-министру графу А. И. Остерману, в котором сообщил о прибытии в Охотск команды Шпанберга, отправке с ним из Якутска в Охотск провианта сухим путём «нужды ради для поспешения, дабы за неимением тамо провианта обретающиеся в команде его служители з голоду не померли» (11), а также, сколько провианта приплавлено в Якутск в команде А. Чирикова и на скольких судах отправлено его к Майской

пристани и Юдомскому Кресту и др. В письме от 8 декабря 1735 г. Беринг информировал графа, «до которых мест тот отправленной от Якутска провиант прошедшим летом дошел, какое известие о помянутых боте и дубель-шлюпке получено» и «что... о касающихся отправлениях по экспедиции учинено» было после отправки предыдущего письма. «О том ныне вашему высокографскому сиятельству милостивому государю моему покорнейше доношу» (12).

Самой серьёзной и больше всего волновавшей Беринга была проблема с доставкой провианта в Охотск. Отправлять провиант сухим путём по указу экспедиции было запрещено, а доставлять его водой было долго и опасно. Поэтому, – писал Беринг Остерману, – решили «со общего согласия с капитаном Чириковым и прочими офицерами экспедиции отправить для поспешения от Бельской переправы» сухим путём на вьючных лошадях прямо в Охотск в 1 200 сумах 3 000 пудов провианта, который мог прибыть в Охотск в июле 1736 г. Но для этого нужны были 1 000 лошадей. Беринг опасался, что необходимый провиант «нерадением здешних канцелярий» отправлен не будет «как уже и видно, что почти через три года провианта ни одного пуда от Якуцка не токмо на Камчатку, но и в Охоцк не отправлено». По мнению Беринга, необходимо прислать особого офицера, который мог бы в определённых местах «во отправлении того провианта понуждать».

«А что мы до сего времени здесь живем, – продолжал капитан-командор, – то истинно самой ради нужды, опасаясь, что ежели мы отбудем отсюда, ничто без нас отправлено по экспедиции не будет, к тому ж паче всего, как выше речено, и в Охоцк, а не токмо на Камчатку провианта самое малое число завезено, и ежели всем нам ехать туда, то помощи в строении судов и в протчем отправлении ни малой не будет. Разве только за неимением провианта служители с голоду помрут, а не для того якобы мы сами желали продолжить здесь время, а по отправлении провианта и протчего, как возможем без опущения времени отсюда отправимся. И буде где о бытии нашем здесь предсуждено будет, прошу вашего высокографского сиятельства милостиво в том меня охранить, в чем на милость вашего высокографского сиятельства благонадежен пребываю и остаюсь вашего высокографского сиятельства милостивого государя моего покорнейший слуга В. Беринг» (13).

Граф А. И. Остерман (Heinrich Friedrich Ostermann) приехал в Россию из Вестфалии. Они с Берингом стояли очень далеко друг от друга по служебной лестнице, но, вероятно, были знакомы с молодости, что позволяло им поддерживать неформальные отношения. Остерман был на 5 лет моложе Беринга, оба поступили на русскую службу в 1703 г., оба служили на эскадре вице-адмирала Крюйса, посещали одну и ту же церковь и по всей вероятности встречались. В 1706 г. Беринг оставался поручиком, Остерман был уже секретарём и переводчиком вице-адмирала (14). Благодаря уму, образованию и своим многочисленным талантам он быстро продвигался по иерархической лестнице. В значительной степени благодаря его заслугам в 1721 г. был заключён выгодный для России Ништадтский мир, который положил конец затянувшейся Северной войне (1700–1721). Пётр I ценил заслуги Остермана, видимо, они хорошо знали друг друга. С 1725 г. Остерман – вице-канцлер, постоянный член Верховного Тайного Совета, с 1730 г. – член Кабинета министров. В том же году возведён в графское достоинство. Он был одним из инициаторов Второй Камчатской экспедиции и постоянно интересовался её деятельностью, что, однако, не помешало ему поставить свою подпись под указом о смещении Беринга. Вероятно, между Берингом и Остерманом и в годы Второй Камчатской экспедиции сохранялись близкие отношения. Беринг мог откровенно высказать графу свои проблемы и попросить «охранения». Волнуясь о старших сыновьях, оставленных в Ревеле, он написал Остерману письмо из далёкого Охотска с просьбой позаботиться о Йонасе и Томасе. Анна Кристина Беринг в письме своей подруге – жене австрийского резидента Гогенгольца 5 февраля 1740 г. сообщила, что тоже написала письмо графу и просила его взять Томаса «к себе и пристроить к такому месту, к какому его высокографское сиятельство найдет способным, дабы он приобрел навыки для своего будущего благополучия» (15). Перед отъездом из Петербурга в 1733 г. Беринг получил приказ Остермана сообщать ему обо всём происходившем в экспедиции (16) и исправно его исполнял.

Между тем, в Охотске события продолжали развиваться. Шпанберг распорядился не только людьми Охотского правления, но и судами. Охотское правление сообщило Берингу, что Шпанберг «взял в своё владение бот “Гавриил” и отправил его на Камчатку. Судно “Фортуна” тоже «взял в своё владение», и она стоит не починенная. «Матроса Беляева и морехода Треску взяли вы в свою команду сильно». Поэтому, – приказал Беринг Шпанбергу в письме от 12 апреля 1736 г., – «“Фортуна” отдать Охотскому правлению, если будет годен, отдать в экспедицию и новый не строить, морехода Треску «при экспедиции держать не для чего... пока что отпустить в Охотское правление» (17).

Один скандал следовал за другим. Оба своенравные и неуступчивые Скорняков-Писарев и Шпанберг никак не могли найти общий язык. Скорняков постоянно писал на Шпанберга доносы, обвиняя его в том, что было и чего не было. Миротлюбивый Беринг пытался защитить его и неоднократно требовал, чтобы Шпанберг не вмешивался в чужие дела. 28 июля 1736 г. Беринг в очередном письме Шпанбергу: «...а нам довольно и своего дела и труда, что принадлежит экспедиции... Того ради сим напоминаю, дабы вы не в свое дело впредь вступать и излишний труд на себя принимать не изволили и тем и нас не утруждали. <...> Надлежит всякому свою должность знать и управлять свое дело по указам ея императорского величества и инструкциям, а не своим прихотям» (18), – уже раздражённо писал Беринг из Якутска.

В 1736 г. в Охотске шла напряжённая работа: строились суда для плавания в Японию, заготавливался лес, доставлялся провиант, брошенный на дороге. Работе очень мешали продолжавшиеся конфликты между экспедицией и Охотским правлением. В это сложное время на острог обрушилось наводнение, уничтожившее его. Г. Г. Скорняков-Писарев отбыл в Якутск, и строительство нового острога выпало на долю капитана Шпанберга.

Обеспокоенный всеми происходившими событиями Беринг 12 июня 1737 г. писал А. И. Остерману: «Сиятельный граф, милостивой государь мой Андрей Иванович... Я в немалой опасности в здешней дальности, милостивой государь мой, состою, понеже уведомился я, что Высокоучрежденный правительствующий Сенат, Государственная Адмиралтейская коллегия сомневаются о продолжении следования моего в экспедицию, якобы то продолжение чинится моим нерадением, и о том истинно всегда сокрушаю дух мой и не имею ни малого покоя». Беринг снова перечисляет сложности доставки грузов и провианта из Якутска в Охотск, пишет, что если бы, оставив команду, он один уехал в Охотск, «то б мне же причтено было в сухую вину, что главный командир, оставя команду свою и не исправя всего надлежащего, уехал наперед один и живу там праздно... Я истинно не рад здешнему моему житью и рад бы как-нибудь поскорая отправиться отсюда в определенный мне путь», но пока это было невозможно. «И тако вашему высокографскому сиятельству милостивому государю моему о всем вышеписанном доношу для надлежащего известия и милостивейшаго рассмотрения. А понеже я инаго такова милостиваго мне отца, в правде моей предстателя истинно не имею и полагаю мою истинную опасность и печаль в милостивое ваше защищение. Того ради покорнейше прошу, что б милостивым вашего высокографского сиятельства отеческим предстательством не осужден я был заочно, прежде сыскания истинной моей виновности, напрасно. В протчем остаюсь вашего высокографского сиятельства милостиваго государя моего покорнейший слуга В. Беринг» (19).

20 июля 1737 г. Беринг сообщил Остерману, сколько каких грузов перевезено, трудностях пути и проблемах с провиантом. «И как можно видеть, что за неимением провианта принужден буду всех людей из Охотска распустить, и тако наш труд втуне останется... И покорно вашего высокографского сиятельства прошу возметь об экспедиции старание, дабы подтверждено было в Иркутскую провинциальную и в Якуцкую воевоцкую канцелярии ея императорского величества указами, что б как об отправлении провианта, так и о протчем, касающемся экспедиции, имели крепкое старание». Жалуется, что «нерадением» Якутской канцелярии экспедиция не может получить соль, «от чего многие месяцы служители без соли были и претерпевали нужду» (20).

24 апреля 1737 г. в Охотск приехал А. Чириков, доставив провиант и различные грузы. Его задачей было строительство пакетботов для плавания в Америку. В письме от 12 мая 1737 г. он просил Шпанберга «по данной инструкции от господина Беринга и по своей должности» прислать к нему корабельного мастера А. Кузьмина и людей для заготовки леса, так как он обнаружил, что в устье Охоты «приплавлена токмо некая часть», часть вырублена в лесу и вытащена на берег, «а некоторые нужные деревья не вытащены даже из леса» (21). Шпанберг отказал, заявив, что такого ордера он не имеет. Чириков трижды посылал ему требования, но безрезультатно. В то время заканчивалась постройка судов для японского вояжа Шпанберга, мастер Кузьмин и люди были нужны ему самому. Чириков написал Берингу, что хотя по указу ея и. в. все дела экспедиции должны были решаться на общем совете, но Шпанберг ни о каких экспедиционных делах с ним не советовался, а письменное предложение не принял. Шпанберг в свою очередь жаловался на Чирикова, что он от Юдомского Креста вместо провианта прислал тяжелые пакетботные канаты, хотя пакетботы ещё и не были заложены. Отношения между двумя помощниками Беринга, которые и до этого не были хорошими, окончательно испортились.

30 августа 1737 г. в Охотск возвратился из Якутска начальник Охотского правления Скорняков-Писарев, а 5 сентября приехал Беринг.

12 ноября 1737 г. на новом плотбище были заложены пакетботы. Теперь всё внимание Беринга было направлено на обеспечение лесом начатого строительства. Но если в отсутствие Скорнякова-Писарева «все было тихо и благополучно», то с его прибытием вражда между Охотским правлением и экспедицией вспыхнула с новой силой. Скорняков постоянно присылал Берингу «требования», «известия», жалуясь прежде всего, что Шпанберг забирал людей и вмешивался в дела Охотского правления. Чтобы остановить этот поток бумаг, Беринг перестал их принимать. Тогда Скорняков-Писарев стал писать доносы на Беринга в Сибирский приказ и Адмиралтейств-коллегию, обвиняя его в нерадивости, затягивании экспедиции и требуя штрафовать и судить Шпанберга. Берингу необходимо было заниматься строительством судов, решать проблему с провиантом и множество других дел, но ему приходилось писать оправдания, объяснять причины задержки в деятельности экспедиции. Какая нужна была выдержка, терпение и мужество, чтобы выносить несправедливые обвинения!

Несмотря на все неприятности перед уходом в плавание отряда Шпанберга, проявляя заботу о команде, В. Беринг 10 июня 1738 г. писал Шпанбергу, что жители Камчатки в основном питаются рыбой и привыкли к ней, а вновь прибывшим туда «с первого случая весьма от рыбы не здоровеет, токмо в то время употребляют с тою рыбою перец и имбирь. Поэтому «извольте приказать принять от подштюрмана Верещагина перцу 15 фунтов и инбирю 15 фунтов» (22).

30 июня 1738 г. Беринг писал президенту Адмиралтейств-коллегии вице-адмиралу Н. Ф. Головину, что, хотя он сообщал 31 декабря 1737 г., что пакетботы были заложены, «точию оно строение с помянутого декабря месяца пресеколось для того, что люди были чрез всю зиму у перевозки провианта и матриалов от Креста до плотбища и перевозили вышеупоминаемой приплавленной сюда весь провиант и матриалы на себе нартами, от которой работы люди весьма утруждены и при такой многотрудной работе за неимением харчу и указного месячного провианта им недоставало... К тому же платьем и обувью обносились и все стали наги и босы, а помощи учинить никакой не можно и купить ничего негде» (23).

8 марта 1739 г. Чириков подал Берингу «предложения», как лучше организовать доставку провианта в Охотск, но ответа от капитан-командора не получил. 15 марта того же года он отправил Головину очередное письмо: «Высокоосиятельнойший граф, премилостивый государь Николай Федорович. О великом гневе Вашего высокографского сиятельства на меня за продолжение Камчатской экспедиции чрез письмо ко мне от лейтенанта Лаптева я уведал... доношу, что я истинно о поспешении исполнения экспедиции прилежное радение имею и дела, которые поручены мне были по экспедиции, со всевозможным тщанием исполнял, в чем шлюсь на всех служителей (кроме капитана Шпанберга и других, которые, угождая ему бессовестно злодействуют), также и на то, что делано мною при экспедиции». К письму приложены два экстракта о том, что было сделано им для исполнения экспедиции, и просит Головина их рассмотреть. «И рассуждает господин капитан-командор, – пишет дальше Чириков, – что касается до привозу провианта, то оно де нам, как не в свое дело, вступатца не надлежит... Токмо лехко может статца, ежели не будет благовременно прилежного старания как о привозке провианта, так и о прочем, то еще и 740 год в Охотске проживем». После получения предложений Чирикова Беринг приказал ему идти на Урацкое плотбище для сплава провианта и материалов. «А признаваю, что отправляет меня на Урацкое плотбище не столько для исправления дела, но больше по злобе за поданные предложения... Предложя вышеписанное, всепокорнейшее Ваше высокографское сиятельство и всемилостиваго отца и государя прошу, дабы я, раб Ваш, не отриновен был от высокой милости Вашего высокографского сиятельства» (24), – заключает письмо Чириков.

В письме от 23 июня 1739 г. он опять выражает надежду, что «ежели Бог помощью своею не оставит, и паче чаяния, какого помешательства большего не произойдет, то я надеюсь, что в предбудущее 740 году уже можно нам весьма отправится до Камчатки» (25).

29 августа 1739 г. из успешного вояжа в Японию в Охотск возвратился Шпанберг. 7 сентября на ордер Беринга прислать из его команды в команду капитана-командора пять матросов и трёх канониров Шпанберг ответил, что без указа Адмиралтейств-коллегии он это сделать не может. Беринг был возмущён. В ответ он писал строптивому капитану: «Из которого вашего рапорта усмотрены немалые непорядки и регламенту и указам ея и. в. противные, ибо вам и самим небезизвестно, что вы с командою своею состоите в команде моей, о чем имянно в данных нам от Государственной Адмиралтейств-коллегии указах написано. А такого указу я не имею, чтоб вас и с командою мне не иметь в своей команде, о чем извольте в рассуждение взять, что вы по посланному от меня ордеру учинились послушны» (26). Беринг приказал Шпанбергу выполнить все его требования.

В свою очередь Шпанберг обвинял Чирикова в том, что он якобы задержал отставку вояжа Шпанберга в Японию. 11 сентября 1739 г. Чириков просил Н. Ф. Головина приказать рассмотреть посланный им в Адмиралтейств-коллегию ответ и «тому ложному представлению ево не уверитца». В этом же письме Чириков писал, что плавания в Японию можно производить с меньшей командой и с меньшим расходом. «И ежели б для убавки оной и я отсюда свободен буду, то бы век свой за здоровье вашего высокографского сиятельства Бога молить должен был» (27).

Обстановка в Охотске в 1740 г. оставалась крайне напряжённой. Продолжались распри с Охотским правлением и другие «несогласия», отнимавшие у Беринга много сил и времени. Только 13 апреля 1739 г. вместо Скорнякова-Писарева был назначен новый начальник Охотского правления А. Девиер, в Охотск он прибыл 10 августа 1740 г. 17 апреля 1740 г. Алексей Ильич сообщил Н. Ф. Головину, что летом этого года «далее Камчатки итить мы надежды не имеем», так как опять нет необходимого леса. Поэтому он предлагал Берингу отправить его на бригантине «Архангел Михаил» «осмотреть места, лежащие от Камчатки меж норда и оста против Чукоцкаго Носа, и протчия у западной стороны Америки. А господину капитану-командору следовать бы нынешним летом с обоими пакетботы до Камчатки», а в 1741 году Берингу и при нем Чирикову следовать от Камчатки «меж зюйда и оста, через что, я чаю, было бы поспешение ко окончанию экспедиции нашей годом. Точно сего учинить господин капитан-командор не смел, объявляя, что оно з данною инструкциею не согласно» (28).

Наконец, весь лес были найден, и 6 августа 1740 г. Чириков написал Головину, что 15 августа они с Берингом надеются выйти из Охотска к Камчатке на новопостроенных пакетботах, перезимовать в Авачинской гавани, а весной 1741 г. отправиться в надлежащий путь. «При сем всепокорнейше Ваше высокографское сиятельство и премилостиваго государя прошу, – продолжал Алексей Ильич, – дабы я высочайшим Вашего сиятельства милостивым предстательством по возврате х Камчатке из надлежащей нам экспедиции, ис которой, уповаю на помощь Божию, чаем возвратится х Камчатке к осени в 741 году, взят был в Питербурх, дабы я в здешних дальностях вовсе покинут не был, в которых уже многое время прожил во всяких прискорбностях и недовольствах. И дабы я милосердием Вашего высокографского сиятельства не был отдан в настоящей отдаленности в команду и в руки крайнему моему неприятелю капитану Шпанберху. Чего я чаю быть, ежели поступки ево вскоре ясно еще не откроются». Чириков просил также выдать жалование против окладов, «учиненных ещё в 1737 г.», так как он всё ещё получал жалование поручика, «которым по здешней дороговизне против чина своего не гнусно содержать себя не могу, к тому ж, премилостивый государь, на том же жалованьи содержу и жену свою с тремя детьми, которая ныне не в призрении будет жить в Якуцке, от чего могу и в великой долг войтить. Вашего высокографского сиятельства премилостивого отца и государя всепокорнейший слуга капитан Алексей Чириков» (29).

8 сентября 1740 г. пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел» покинули Охотск и 6 октября вошли в Авачинскую гавань, которая получила название Св. апостолов Петра и Павла. 27 апреля 1741 г. А. Чириков в восторге писал графу Н. Ф. Головину: «...Оная, премилостивый государь, весьма способна и можно в ней стоять, хотя б великому флоту... А мы ныне... збираемся в надлежащий наш путь». Чириков также сообщал о массовом крещении на Камчатке тунгусов, землетрясении, которое со времени прибытия своего они чувствовали четыре раза (30).

Перед выходом в плавание 20 апреля 1741 г. Беринг написал письмо А. И. Остерману. Он сообщал о благополучном прибытии пакетботов в Авачинскую гавань, бедственном положении на Камчатке, которое не изменилось с 1729 г., необходимости приведения её в лучшее состояние, причинах задержки экспедиции, приезде Г. Стеллера и др. «Я же, – продолжал капитан-командор, – за моею старостью, дряхлостью, и, почитай, непрестанною болезнию таких тяжких трудов и беспокойств более снести не могу, к тому же я 37 [лет] в службе нахожусь и в состоянии не пришел, чтоб на одном месте для себя и фамилии своей дом иметь мог, и, как качующий человек живу; того ради, Ваше высокографское сиятельство, моему последнему покорнейшему прошению о смене меня от сей экспедиции по причине вышеизображенных резонов удивиться не изволите, но наипаче милостивно позвольте, что б я оно повторил, и о дальнейшей Вашей высокой помощи к освобождению меня от сей экспедиции и ныне всепокорно просил, и что б моя фамилия, которая ныне из Сибири в пути в Санкт-Петербург находитца, в высочайшей ея императорского величества милости всеподданнейшее участие имела и домом пожалована быть могла» (31).

Это было последнее письмо Витуса Беринга. 8 декабря 1741 г. он умер на острове, позднее названном его именем. А. И. Чириков на пакетботе «Св. Павел» 15 июля 1741 г. пришёл к северо-западному берегу Америки и 12 октября возвратился в Петропавловск. Отсюда Алексей Ильич в октя-

бре 1741 г. отправил письмо своему злейшему врагу Шпанбергу: «Государь мой, Мартын Петрович, многолетно и благополучно здравствовать вам желаю». Чириков сообщил ему, что они с Берингом в мае месяце вышли в море, но 20 июня разлучились и больше не встречались, дальше «Св. Павел» следовал один. «...И как променяли близ 70° разности длины на восток расстоянием с полпяты тысячи верст от Авачи, тогда получили видеть землю». Вот так прозаично Чириков сообщил об открытии Америки. Дальше он писал о потере ялбота и малой лодки и вынужденном возвращении на Камчатку, заболевании многих членов команды цингой, перечислял умерших и тех, кто остался на американском берегу. «И я сам в крайней цынготной болезни находился и сентября з 20 числа уже на палубу не выходил... и поныне нахожусь очень болен, и сам о себе на постели поворотица не могу, и буду ли жив, – бог весть. Ваш государя моего верный слуга Алексей Чириков» (32).

24 августа 1742 г. Чириков покинул Петропавловск и в ноябре приехал в Якутск. 12 ноября 1742 г. он получил от Шпанберга копии писем, адресованных Берингу. Через три дня в ответном письме Чириков писал: «...по которым исполнение чинить не безопасен, понеже ваше благородие русского письма читать не очень довольны и в письмах ваших видны были весьма нужные слова, не в надлежащую и не правую силу написаны, о чем вы сами известны, то может быть, что и в выше писанных присланных ко мне от вас в семи копиях нечто также неисправно, с уронкою или лишнее написано, чего вы за недовольствием читать русского письма и не усмотрите, и оттого может произойти и по указам некоторое неисполнение или лишнее что» (33). Кроме того, Чириков полагал, что Шпанбергу была поручена самостоятельная экспедиция, а с Берингом плывал он, поэтому корреспонденцию из Адмиралтейств-коллегии, из Петербурга, должен получать и читать он. Шпанберг не замедлил ответить: «...а что якобы от нас писано не в надлежащую силу и неправо, мы известия до сего не имеем, требуем о том, о той неправости, когда и в чем, объявить нам имянно... Что же изволите упоминать, что мы русскова письма читать не очень довольны, за чем де усмотреть не можем, из того не ино, что следует, но точию едино порицание и повреждение чести, ибо мы читать умеем или не умеем, но каждому должность себя хвалить, а прочих порицать не надлежит» (34).

На этот раз решался вопрос о руководстве экспедицией. Не будучи в состоянии договориться между собой, оба капитана отправили рапорты в Адмиралтейств-коллегию. В пространным рапорте от 13 декабря 1742 г. Чириков перечислял все «деяния» Шпанберга, в том числе множество заведённых на него следственных дел, и спрашивал: «И как можно мне быть у него в команде у такого непорядочного командира». Рапорт Шпанберга был намного короче.

7 июля 1743 г. Адмиралтейств-коллегия слушала рапорт Чирикова и приняла решение: «Показанному капитану Шпанбергу, хотя он и старее капитана Чирикова, в небытность капитана-командора Беринга главной команды иметь указом не определено, и за тем не определенной ему, Шпанбергу, экспедиции, то есть от капитана Чирикова никаких требований чинить и вступаться яко в главную команду не подлежит». Все дела по экспедиции Чирикова исполнять Чирикову и офицерам его команды, «а Шпанбергу рассуждений при том не иметь» (35). Всю корреспонденцию на имя Беринга получать тоже Чирикову.

Указы Адмиралтейств-коллегии, датированные 14 июля 1743 г., капитанам были посланы порознь. Мартын Петрович получил указ 25 апреля 1744 г., находясь у Юдомского Креста по дороге в Якутск. Он был взбешен и долго не мог успокоиться, оскорблённый недоверием, сомнениями в его честности и порядочности. Как позднее писал шкипер экспедиции Д. Коростелёв, рядом с ним был корабельный мастер А. Кузьмин, штурман Е. Родичев и др. Шпанберг вынул из конверта указ Адмиралтейств-коллегии и велел штурману его прочитать. «А как он, Родичев, тот указ нам прочел и отдал Шпанбергу при всех присутствующих, то капитан взял тот указ, говоря с сердцем по-немецки... бросил на землю, а конверт грыз зубами, который указ я с земли поднял и отдал капитану, говоря, что нехорошо указ бросать» (36). 25 сентября 1743 г. Указом Сената Вторая Камчатская экспедиция была прекращена.

Кратко проследив весь её тяжелейший десятилетний путь, условия, в которых жили и работали её участники, можно с уверенностью сказать, что этот путь был героическим. Документы экспедиции и особенно письма её руководителей рисуют нам удручающую картину бедствий, которые ей пришлось испытать. Конечно, в официальных рапортах они тоже сообщали обо всех проблемах, но только в частном письме можно было откровенно написать о своих переживаниях и опасениях и попросить защиты. В каждом письме Беринга и Чирикова чувствуются их личные ощущения от происшедшего, боль из-за несправедливых и оскорбительных обвинений, недоверия высокого начальства, не желавшего оценить ужасающие условия, в которых действовала экспедиция, за нагих, босых, голодных людей, безропотно таскавших на себе тяжёлые нарты и лес для строившихся судов.

В. Беринг был давно болен, Anne Кристине Беринг, направлявшейся в Петербург, даже пришлось в 1739 г. вернуться с дороги, узнав, что он заболел. Чирикову явно было тяжело в экспедиции. По словам известного историка А. Полонского, он был «умный, мужественный и скромный спутчик Беринга», добавим: самый знающий и самый молодой, имя которого не было запятнано ни одной жалобой, Чириков всегда оставался в тени, хотя подавал Берингу очень разумные предложения, как улучшить доставку провианта или ускорить подготовку к плаванию, но осторожный капитан-командор не решался их осуществить. Шпанберг его и вовсе игнорировал. Сам он, самоуверенный и грубый, чувствовал себя достаточно уверенно, несмотря на шлейф следственных дел, пока не получил указ Адмиралтейств-коллегии от 14 июля 1743 г. В 1745 г. он отбыл в Петербург, не получив разрешение Коллегии (37).

Светлая память нашим мореплавателям, которые, несмотря на все беды, открывали новые страны и прославляли Россию.

1. РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 87. Л. 130об.
2. Там же. Д. 88. Л. 118.
3. Там же. Д. 110. Л. 10об.
4. Там же. Л. 21.
5. Там же. Д. 96. Л. 23.
6. Там же. Д. 14. Л. 131.
7. Там же. Л. 132.
8. Там же. Л. 130.
9. Там же. Д. 96. Л. 28об.
10. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 800.
11. Там же.
12. Там же. Л. 800об.–805.
13. Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса (каталог документов РГА ВМФ). СПб., 2008. С. 453.
15. Вторая Камчатская экспедиция (ВКЭ). Т. 4. Документы 1739–1740. СПб., 2015. С. 487.
16. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 808.
17. РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 14. Л. 98.
18. Там же. Л. 157–158, 163–169.
19. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 808–813.
20. Там же. Л. 821об.–822об.
21. РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 25. Л. 134.
22. Там же. Д. 31. Л. 175.
23. Там же. Ф. 230. Оп. 1. Д. 30. Л. 9об.
24. Там же. Ф. 315. Оп. Д. 340. Л. 13об.–14.
25. Там же. Л. 16об.
26. Там же. Ф. 216. Оп. 1. Д. 37. Л. 9об.
27. Там же. Ф. 230. Оп. 1. Д. 30. Л. 20, 23.
28. Там же. Л. 109, 114.
29. Там же. Л. 123–126об.
30. Там же. Л. 139об.–140об.
31. Экспедиция Беринга. М., 1941. С. 329–332.
32. Там же. С. 334–335.
33. РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 52. Л. 184–185.
34. Там же. Л. 191.
35. Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 237–239.
36. РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 55. Л. 266.
37. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.; Экспедиция Беринга; Вторая Камчатская экспедиция. Документы: 1734–1736. СПб., 2009; 1737–1738. СПб., 2013 и 1739–1740. СПб., 2015, подготовленные Н. Охотиной-Линд и П. У. Мёллером.